

С.С. СТЕЛЯ

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В РИТОРИЧЕСКОМ ВОПРОСЕ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

На основании анализа прагматических значений риторических вопросов в немецком языке излагается точка зрения автора на оценочность как вид субъективной модальности и эмоциональность как способ выражения оценочности; описаны просодические средства выражения модальности и характер их взаимодействия со средствами других языковых уровней.

In the article the author expounds her opinion on the appraisal as a kind of subjective modality and emotionality as a mode of appraisal expression based on the data of pragmatical meanings analysis of rhetorical questions in German, and describes the prosodical means of modality expression by its interaction with other language level means.

Одной из дискуссионных категорий современной лингвистики является категория модальности, в частности ее соотношение с категорией оценки. Под **модальностью** «в широком смысле понимается отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности» (Ахманова 1966,257). Эта категория выражается различными грамматическими и лексическими средствами, такими как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т. п.

Категория **субъективной оценки** трактуется как «семантико-синтаксическая категория, выражающая отношение говорящего к предмету речи через соответствующее синтаксическое употребление разных частей речи (существительных, качественных прилагательных и наречий)» (Ахманова 1966, 193). Модальность, передавая взаимоотношения четырех компонентов коммуникации: говорящего, слушающего, содержания высказывания и действительности, отражает сложные «отношения к отношениям» (Пешковский 2001, 107). Взаимодействуя с другими функционально-семантическими категориями языка, она является многоаспектной категорией, где многие отношения не выяснены. Поэтому чрезвычайно сложным и спорным считается разграничение эмоциональности, оценочности и модальности. Различные толкования этих категорий способствовали тому, что в лингвистике сформировались две позиции по вопросу соотношения оценочности и модальности. Одни исследователи, хотя и признают тесное взаимодействие этих категорий, все-таки отделяют их друг от друга (см. Bußmann 2002, 438; Glück 2000, 446). Другие же лингвисты, например, В.В.Виноградов считают, что эмоционально-оценочные оттенки «...образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания... лексически расширяют рамки самой категории модальности...» (Виноградов 1950, 70), что позволяет говорить об «эмоционально-модальных», «модально-оценочных» и других признаках. Т.В. Булыгина и С.А. Крылова рассматривают субъективную модальность как категорию, «смысловую основу которой образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» (ЛЭС 1990, 303). Наряду со всем комплексом языковых средств субъективная модальность реализуется «специфическими интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и др. эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому» (ЛЭС 1990, 304). Такая широкая интерпретация субъективной модальности представлена также в «Русской грамматике» (см. Русская грамматика 1982, 215-216).

Подобное понимание представляется наиболее приемлемым и нам применительно к риторическому вопросу в немецком языке. Именно риторический вопрос видится нам той структурой, в которой проблема соотношения модальности и оценочности находит свое яркое выражение. Экспериментально-фонетическое исследование, проведенное на основе 500 контекстов с риторическими вопросами из художественных произведений немецких авторов, показало, что прагматика этого языкового явления чрезвычайно широка.

Специфичность риторических вопросов заключается в том, что они не выражают напрямую намерения говорящего. Для выявления прагматического значения риторических вопросов экспериментальные контексты были соотнесены с прагматическими типами высказываний, сгруппированными в «4 основные зоны: сообщение, побуждение, оценка и фатические высказывания» (Галочкина 1985, 8). Основным критерием для отнесения риторических вопросов к зоне оценки являлось наличие в их вербальном корпусе или контексте оценочной лексики, соотносимой с признаком «хорошо / плохо». Не случайно таких высказываний в общем массиве оказалось 62 %, так как «возможность приобретать оценочные смыслы - это общее свойство вопросов, относящихся к качеству» (Вольф 1985, 194). В высказывании оценка выступает иногда как специфическая иллокутивная сила (выделение класса экспрессивов у Дж. Серля, восклицаний - у И.Е. Галочкиной, Е.М. Вольф). Но чаще оценка является коннотацией высказывания, накладывающейся на его коммуникативную задачу - сообщение, побуждение к действию и т. д. Анализ риторических вопросов показывает, что все во-

просы, содержащие оценку, формально, на основании трансформационного критерия, могут быть подразделены на три группы: оценочные сообщения, трансформирующиеся в повествовательные высказывания, оценочные побуждения, трансформируемые в высказывания с глаголом *sollen* 'долженствовать' либо в императивные высказывания; и чисто оценочные высказывания, трансформируемые в восклицания. В следующем примере (в данном контексте и далее автором подчеркиваются риторические вопросы):

Alexander war noch nie so gut zu Maria wie jetzt. Das ist manchmal schon zu viel, denke ich, das ist übertrieben. Als müsste er etwas gut machen an dem Kind, als wüsste die Kleine von den bösen Beleidigungen. Warum aber erkennen sie dem Olaf nicht seinen Titel «Verdienter Aktivist» ab? Das war er nämlich gerade geworden, wurde groß herausgestellt in der Zeitung (DW 224) 'Александр еще никогда не относился к Марии так хорошо, как сейчас. Это порой уже даже слишком, по-моему, это чересчур. Как будто он должен был делать что-то хорошее для ребенка, как будто малышка знала что-то об этих обидах. Почему они не лишают Олафа его титула «заслуженный активист»? Он как раз заслужил это, в газете четко говорится' - риторический вопрос может быть трансформирован в синонимичные грамматические структуры побуждения: 1) *Man soll ihm den Titel aberkennen* 'Нужно лишить его титула', 2) *Erkennt ihm doch den Titel ab!* 'Лишите же его титула!', т. е. может быть отнесен к оценочным побуждениям.

Сопоставление этих трех синонимичных структур отчетливо подчеркивает различие в модальности высказываний, в степени их побудительности, в личностном аспекте, т. е. в характере отношений между коммуникантами: безапелляционное побудительное наклонение не принимает в расчет собеседника и звучит категорично со стороны говорящего; грамматический синоним с модальным глаголом в сослагательном наклонении значительно смягчает категоричность высказывания, при этом очевидно тесное взаимодействие лексических и грамматических языковых средств. Риторический вопрос с той же семантикой имеет совершенно иной прагматический план: целеустановка побуждения остается, но она выражена без категоричности, допускаются иные варианты, появляется момент сомнения у говорящего, т. е. межличностный аспект существенно изменяется, что и обуславливает использование в речи риторического вопроса в качестве синонимичной формы для типичных средств выражения той или иной интенции.

В рассмотренном контексте интенциональный компонент сопровождается целым рядом **коннотаций**: помимо сомнения здесь явно прослеживается негативная оценка (лексемы *zu viel* 'слишком', *übertrieben* 'чересчур'). И это свойство присуще риторическим вопросам в целом.

Их семантический потенциал, как показало исследование, является **разноплановым**: риторический вопрос используется в качестве особого способа выражения коммуникативного намерения говорящего, обогащенного эмоциональными и модальными коннотациями. Оттенки прагматических и эмоциональных значений редко выступают изолированно. Чаще риторические вопросы представляют собой реализацию гаммы чувств.

Риторический вопрос, таким образом, сочетает в себе рациональные, интенциональные и эмоциональные компоненты, для выражения которых используются в **комплексе** определенные лексические, стилистические и просодические средства, дополняющие либо компенсирующие друг друга. Модальный, оценочный и эмоциональный компоненты в нашем экспериментальном материале тесно переплетены, функционируют совместно. Для более глубокого описания материала мы их разграничиваем, рассматривая оценочность как вид субъективной модальности, а эмоциональность как способ выражения оценочности.

В нашем экспериментальном материале выделяется довольно большая группа примеров (12%), выражающих модальное значение сомнения. **Сомнение** относится к разновидности субъективной модальности предположения - модальности, широко представленной в речевом общении. Коммуникативная сущность сомнения состоит в большой неуверенности говорящего в том, что содержание высказывания имело или будет иметь место в действительности. В объективной модальности за сомнением стоит возможность, проблематическая достоверность, т. е. это действие может состояться при определенных условиях, но может и не состояться. «Проблематическая достоверность имеет место в высказывании говорящего в том случае, если он не уверен в соответствии содержания своего высказывания действительности...» В таком случае «...в ситуации наличествует пропозициональная установка "сомнение"» (Чернышева 1995, 16-17). С точки зрения оценочности сомнение наиболее нейтрально, не отягощено на данном этапе ни положительным, ни отрицательным субъективным отношением, например:

Sollte sie vermeinen? Sollte sie sagen: Ich kenne sie nicht? Ich weiss nichts davon? - War das aber richtig? Den Sohn die Last allein tragen lassen oder sie mit ihm teilen? Ja, ich kenne die Flugblätter (R. 224) 'Ей нужно было все отрицать? Нужно было сказать: Я их не видела? Я ничего не знаю об этом? - Было бы это правильно? Дать сыну нести самому эту ношу или разделить с ним ее тяжесть? Да, мне знакомы эти листовки'.

Экспериментальные контексты, записанные на магнитную ленту в реализации пяти дикторов-носителей языка, были предложены пятерым информантам с заданием соотнести услышанные в контекстах риторические вопросы с предложенным списком прагматических значений или указать при необходимости другие значения. На основании показаний информантов можно заключить, что даже в контексте значение сомнения трудно отделить от близких ему эмоциональных оттенков недоумения и удивления, в большинстве случаев они выделяются как сопутствующие. Выражение этих оттенков в тексте может осуществляться по-разному: для этой цели могут использоваться слова автора, а в речи персонажа риторические вопросы с этим значением часто сопровождаются усилительными частицами *aber* 'но', *denn* 'же', *überhaupt* 'вообще', *eigentlich* 'собственно', подчеркивающими элемент недоверия в семной структуре риторического вопроса, например:

Elsa schüttelte verwundert den Kopf: «Ja, glaubst du denn, ich hätte meine Gesinnung aufgegeben und mich um neunzig Grad gedreht, nur weil ich im Westen wohne? Seine Ideale und seine Lebensansichten schleppt der Mensch doch überall mit sich hin» (WKM 95) 'Эльза недоуменно покачала головой: «Неужели ты думаешь, я отбросила свои представления и развернулась на девяносто градусов только потому, что я живу на Западе? Свои идеалы и жизненные взгляды человек носит с собой повсюду»'.

Для усиления **недоверия** служат и такие стилистические средства, как повторы, обособления и парцелляция, например:

Doch schon beim ersten Löffel kamen die Tränen wieder. Er all und weinte zugleich ein dünnes klägliches Kinderweinen. Die Tränen tropften und salzten die Nahrung. «Warum weine ich. Mutter, warum weine ich nur? Ich freue mich doch so sehr» (R. 222) 'Но уже с первой ложкой слезы подкатили снова. Он ел и плакал редкими жалостливыми детскими слезами. Слезы капали и подсаживали еду. «Почему я плачу, мама. Почему же я плачу? Я ведь так рад»'.

В данном контексте две стороны состояния персонажа, передаваемые словами *weinen* 'плакать' и *sich freuen* 'радоваться', находятся в противоречии, что и вызывает у него чувство **недоумения**, которое усиливается также стилистическими средствами, в частности повтором.

Как очевидно, в передаче оттенков значений риторических вопросов участвуют средства **всех языковых уровней**: грамматические, лексические, стилистические. Наше исследование было направлено в первую очередь на выявление роли **просодических средств** в рассматриваемом процессе. Для этого экспериментальный материал был подвергнут многоэтапному исследованию, включающему в себя аудитивный анализ контекстов и экспериментальных фраз информантами, акустический анализ экспериментальных фраз, фонетический анализ отдельных фраз, а также сопоставительный анализ.

Роль просодических средств четче всего прослеживается при определении зависимости значений риторических вопросов от контекста. В ходе аудитивного анализа выяснилось, что при восприятии на слух устных контекстов с риторическими вопросами, выражающими сомнение, они в 77 % случаев воспринимаются как таковые. В изолированных риторических вопросах со значением сомнения показатели поровну распределяются между сомнением (37 %) и задумчивостью (36 %), при этом четко разграничиваясь даже от своих более интенсивных оттенков - удивления (1,8 %) и недоумения (1 %). Такой результат представляется неслучайным, поскольку задумчивость может (но не должна) сопровождать сомнение, и разделить эти значения вне контекста достаточно сложно, например:

Was habe ich getan? Habe ich sie getötet oder habe ich sie glücklich gemacht? Hat sie mich geliebt oder war ich nur ein Stock, an dem sie hing, wenn es ihr passte? (NL 297) 'Что я сделал? Я ее убил или сделал счастливой? Любила ли она меня или я просто был тростью, на которую она опиралась при ходьбе, когда ей это было нужно?' - именно оценочная лексика с антонимичным значением: *getötet* 'убил' - *glücklich gemacht* 'сделал счастливой', *lieben* 'любить' - *als Stock passen* 'использовать как трость' в данном контексте способствует достижению коммуникативной цели высказывания - вызвать сомнение у адресата. В то же время, учитывая семантическую близость задумчивости и сомнения, можно говорить о достаточно уверенном (73 %) разграничении значения сомнения от других значений вне контекста, т. е. о довольно значительной роли просодических средств при его выражении в речи.

Исследование показало, что в выражении модальности риторических вопросов активно участвуют **мелодические и акцентные признаки**. Так, для риторических вопросов со значением сомнения и его оттенков (удивление, недоумение) характерно смещение главноударного слога к началу фразы, т. е. экспрессивная выделенность. При этом данный показатель увеличивается от 8 % в риторических вопросах со значением сомнения до 14 % - со значением удивления и до 33 % - со значением недоумения. Таким образом, наблюдается прямая зависимость данного признака от эмоциональной насыщенности фразы.

Риторические вопросы со значением сомнения имеют количество ударений, несколько превышающее среднее (33,3 на 100 слогов), а соотношение сильных и слабых ударений составляет примерно 2:1. Результатом такого акцентного членения фразы является четко выраженный динамический ритм, подчеркивающий коммуникативный момент вопреки формальному.

Риторические вопросы, выражающие сомнение, часто сопровождаются также замедлением темпа речи, что влечет за собой повышенную выделенность слогов, например:

/ /// / ///

Kann das | gut gehen? Ist das | vernünftig?

'Получится ли из этого что-то хорошее? Благоразумно ли это?'

Что касается мелодической структуры, то у риторических вопросов со значением сомнения ее специфика очень яркая: для 100% фраз характе-

рен восходящий тон, при этом 2/3 их сопровождается восходящим, 1/3-нисходяще-восходящим движением тона (см. пример выше). Для фраз с коннотацией сомнения наряду с восходящим движением тона характерно соответственно отсутствие низкого падения тона в завершении фраз: в 92 % случаев риторические вопросы с этим значением завершаются на среднем уровне, что подтверждается как на уровне восприятия, так и акустическими данными. Например:

Soll er jetzt mit ihm reden? 'Поговорить с ним сейчас?'

Риторические вопросы - сомнения могут располагаться как в нижнем регистре, так и захватывать часть верхнего. 2/3 и более таких фраз начинаются на низком уровне. Тональный диапазон при передаче сомнения составляет 8-15 полутонов.

По длительности для значения сомнения характерно стирание различий между ядерными и ритмически выделенными слогами, слогами с долгой и краткой гласной, т. е. в данном случае, по-видимому, временные характеристики фразы отходят на задний план, уступая место ведущему параметру - тону, что иллюстрирует следующая экспериментальная фраза, реализованная разными испытуемыми:

/ 2,5 /// 2,7 /1,9 /// 2,7
Kann das gut ge hen? Ist das ver nünf tig?
(испытуемый 1)

/1,6 ///1,7 / 1,6 /// 1,5
Kann das gut ge hen? Ist das ver nünf tig?
(испытуемый 2)

'Получится ли из этого что-то хорошее? Благоразумно ли это?'

Передача сомнения сопровождается резкими подъемами и падениями ч.о.т., в среднем 20-27 %.

Таким образом, в качестве активных просодических признаков при передаче модального значения сомнения в риторическом вопросе в немецком языке можно выделить восходящее движение тона, относительно высокое завершение фраз, сильное выделение ядерного слога, которые поддерживаются и усиливаются паузацией. Просодические характеристики в каждом высказывании вступают в сложное **взаимодействие** друг с другом и со средствами других языковых уровней. Характер этого взаимодействия постоянно меняется: признаки либо действуют однонаправленно, усиливая друг друга, либо вступают в отношения компенсации.

Риторический вопрос, являясь семантически разноплановой языковой структурой, активно используется в речи для передачи модальных значений. Модальность в риторическом вопросе выражается через категорию оценки, которая, в свою очередь, усложнена различными эмоциональными компонентами. Оттенки одного типа значений, как правило, не выступают в риторическом вопросе в чистом виде, и иерархия семантических пластов в риторическом вопросе не является жесткой: на первый план может выступать то интенциональный, то модальный, то эмоциональный аспект. Пересекаясь, накладываясь друг на друга, они образуют сложные комбинации вариантов значений риторического вопроса и средств их выражения. Коммуникативное намерение говорящего в риторических вопросах скрыто гораздо глубже, чем в традиционных формах выражения - повествовательных и побудительных высказываниях. Это определяет полифункциональность риторических вопросов в речи, придает им особую выразительность и обеспечивает их большой стилистический потенциал.

Источники

DW - Gorlich G. Drei Wohnungen. Berlin, 1988; **NL** - Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. Berlin; Weimar, 1976; **R** - Apitz B. Der Regenbogen. Halle, 1977; **WKM** - Hontsch U. Wir sind keine Kinder mehr. Halle; Leipzig, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды Ин-та рус. языка АН СССР. М.; П., 1950. Т. 2.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
Галочкина И.Е. Роль интонации в формировании прагматических типов высказываний (на мат-ле англ. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1982.
Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 170-195.
Чернышева М.П. Взаимодействие просодических и лексико-грамматических средств при выражении предположения в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1995.
Hadumond B. Lexikon der Sprachwissenschaft. Kröner, 2002.
Glück H. Metzler Lexikon Sprache. Stuttgart; Weimar, 2000.

Поступила в редакцию 22.06.06.

Светлана Станиславовна Стеля - кандидат филологических наук, заведующая кафедрой немецкого языкознания.